

— Зачем так напрягаться? Разве не больно? — Жун Цзюэ легонько похлопал его по спине, пальцами размазывая мазь. — Расслабься. Я ведь не собираюсь тебя съесть.

Фан Ляочжи слегка расслабился, и Жун Цзюэ продолжил:

— Твое прямое высказывание в прошлый раз было правильным. После издания указа я получил несколько докладов. Эти молодые чиновники хотят работать, но раньше боялись, что я буду помнить, что они были людьми Жун Мянся, и найду повод наказать их, поэтому молчали.

— Ваше Величество, это естественно, — почувствовав прохладу мази на своей коже, Фан Ляочжи слегка вздрогнул.

Жун Цзюэ тихо засмеялся, затем, сделав паузу, добавил:

— Ты... то, что ты сказал в прошлый раз, правда?

— Правда. В моем сердце только вы, — без колебаний ответил Фан Ляочжи, затем взглянул в глаза Жун Цзюэ и тихо произнес. — Я знаю, что вам причинили боль, и теперь вам трудно доверять людям. Вы можете бить и ругать меня, я не буду жаловаться. Но я искренне предан вам, Ваше Величество, и в моих словах нет лжи. Я готов ждать, пока вы поверите мне.

— Ты говорил, что он любил меня? — казалось, Жун Цзюэ не обратил внимания на ответ Фан Ляочжи. Закончив наносить мазь на каждую рану, он правой рукой провел по большому шраму от меча и тихо пробормотал.

— Ваше Величество, мои воспоминания еще не полностью вернулись, и я не могу вспомнить все, что произошло раньше. Но в этом я уверен. Поверьте мне, — протянув руку, Фан Ляочжи крепко сжал левую руку Жун Цзюэ, и в его глазах читалось рвение.

Жун Цзюэ молчал, лишь пристально смотрел в глаза Фан Ляочжи. Этот человек казался ему одновременно знакомым и чужим. По одной лишь интуиции он мог быть уверен, что этот человек определенно связан с Ци Нином множеством нитей, но внешне не было никаких намеков на это. Он думал, что его любовь к Ци Нину превратилась в ненависть, но после того, как он так много раз мучил Фан Ляочжи, понял, что любовь все еще сильнее ненависти. В тот день, в порыве гнева, он запретил кому-либо навещать его, но позже, не выдержав, сам принес лекарство.

Лекарство было превосходным. Фан Ляочжи почувствовал, как его спина наконец обрела облегчение, и глубоко вздохнул, сжимая руку Жун Цзюэ еще сильнее.

— Ваше Величество, он был не единственным, кто искренне любил вас. Я тоже, — очнувшись, он снова не сдержался и признался.

Услышав это, Жун Цзюэ машинально отдернул руку. Фан Ляочжи на мгновение замер, затем его взгляд померк.

— Вы пришли нанести мне лекарство только потому, что видите во мне его, верно?

— Ты говоришь, что не помнишь, я могу ждать. Но если ты снова посмеешь обмануть меня, береги свою семью, — голос Жун Цзюэ стал холодным, и в его словах больше не было тепла, лишь властность императора.

Фан Ляочжи на мгновение задумался, словно что-то вспомнил, но через мгновение его лицо

снова стало бесстрастным.

— Жун-эр... — тихо произнес Фан Ляочжи, опустив голову.

Брови Жун Цзюэ слегка дрогнули, и его взгляд стал мягче. Он разогрел ладони и снова положил их на спину Фан Ляочжи.

— Тебе комфортно? Это лекарство очень прохладное.

Фан Ляочжи знал, что такая нежность Жун Цзюэ адресована лишь прошлому Ци Нину, и слегка кивнул, но в уголках его глаз показались слезы.

— Не провоцируй меня словами, и я не буду тебя бить. Ты должен знать, что раньше я не был таким вспыльчивым, — снова разогрел ладони, Жун Цзюэ передал тепло телу Фан Ляочжи, и в его словах звучала толика сожаления и боли.

— Понимаю. Просто боюсь, что Ваше Величество, проявив милость, не сможет выпустить пар, — ответил Фан Ляочжи, но слезы из уголков его глаз невольно потекли.

— Я пришел навестить тебя, и теперь твоя популярность возрастет, — увидев слезы Фан Ляочжи, Жун Цзюэ немного растерялся и решил сменить тему.

— Да. Теперь, наверное, многие захотят со мной сблизиться, — с усилием улыбнулся Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ тоже улыбнулся, и его рука медленно скользнула с плеча Фан Ляочжи вниз, касаясь каждого шрама. Следы от кнута, меча, ожогов, палок — они покрывали почти все его тело.

— Я переборщил, — внезапно Жун Цзюэ почувствовал, как у него защемило в носу.

Фан Ляочжи почувствовал острую боль в сердце, и в этот момент ему показалось, что все его раны потеряли смысл.

— Ваше Величество, говоря так, вы уже простили Ци Нина и не считаете, что он обманул вас?

— Ты сам напросился на эти мучения. Разве не этого ты хотел? — Жун Цзюэ не ожидал такого вопроса от Фан Ляочжи и в ответ задал свой.

Едва слышный вздох.

— В моей голове слишком много противоречивых вещей, и воспоминания то появляются, то исчезают. В тот момент мой разум был в хаосе, но теперь я понимаю, что, вероятно, именно этого я и хотел, — улыбнулся Фан Ляочжи.

— Раны все еще сильно болят? — наклонившись, Жун Цзюэ прикоснулся губами к шрамам на спине Фан Ляочжи, явно желая проявить нежность.

— Боюсь, я еще не могу двигаться, — честно ответил Фан Ляочжи.

— Хм, — Жун Цзюэ, разгоряченный, продолжил целовать его, не останавливаясь.

— Ах... — тихо простонал Фан Ляочжи.

Жун Цзюэ, подумав, что ему больно, перестал целовать его и выпрямился.

— Выздоровливай. Я велю Лю Мянчжи навестить тебя.

Фан Ляочжи кивнул.

— Благодарю, господин.

Жун Цзюэ положил нефритовую коробочку рядом с Фан Ляочжи, затем взял коробку с лекарством, которую принес Лин Чэ, и сказал:

— Это лекарство не такое хорошее, используй мое.

Фан Ляочжи нашел этот жест забавным, но не осмелился показать это, лишь серьезно кивнул.

Жун Цзюэ встал, собираясь уйти, но вдруг вспомнил что-то и, обернувшись, сказал:

— Это ты подстроил так, чтобы Лин Чэ поссорился с людьми из Военного министерства?

Фан Ляочжи на этот раз засмеялся.

— Это было в духе ваших намерений.

— Его преданность мне не вызывает сомнений, — добавил Жун Цзюэ.

— Я знаю, но он слишком добр и, не разобравшись в моей сущности, не смог даже ударить меня. Я просто помог ему поссориться с теми, с кем нужно, чтобы вам в будущем не пришлось сталкиваться с трудностями.

Жун Цзюэ сказал:

— Твои замыслы даже коварнее, чем у Ци Нина.

Фан Ляочжи серьезно посмотрел на него.

— Путь, который вы выбрали, одинокий. Если вы не возражаете, я пройду его вместе с вами.

Жун Цзюэ на мгновение растрогался. Эти слова показались ему знакомыми, словно он слышал их раньше.

— Сын мой, путь впереди одинокий. Я бы хотел пройти его с тобой, но не смогу.

Да, это были слова, которые его отец сказал ему перед смертью.

Жун Цзюэ пристально посмотрел на Фан Ляочжи.

— Твои мысли не похожи на мысли гвардейца.

— Только будучи гвардейцем, я могу оставаться рядом с вами.

— А евнухом тоже можно...

— ...Ваше Величество, пожалуйста, не шутите так.

После этого обмена репликами оба засмеялись. За последние полгода это был первый раз, когда Жун Цзюэ почувствовал себя по-настоящему счастливым.

Фан Ляочжи, увидев улыбку Чжао Жунцзюэ, которая напомнила ему прежние времена, почувствовал, что десять ударов кнута того стоили, и, не задумываясь, сказал:

— Ваше Величество, я надеюсь, что вы снова станете таким, как раньше.

Жун Цзюэ остановился, собираясь уйти, и спросил:

— Хм? Тебе не нравится, какой я сейчас?

Фан Ляочжи поспешно ответил:

— Я не это имел в виду. Я готов отдать все свои силы, чтобы вы были счастливы.

— Я поверю тебе еще раз, — не оборачиваясь, тихо произнес Жун Цзюэ, и, уходя, он, казалось, добавил что-то еще, но Фан Ляочжи уже не смог разобрать.

Визит императора в лагерь гвардии был первым в своем роде. Популярность Фан Ляочжи действительно возросла, и многие стали проявлять к нему интерес и заботу. Фан Ляочжи, планируя подобрать подходящих людей для Лин Чэ, не отказывался ни от кого и общался со всеми.

Император Лунъю был воинственным, и 8 000 солдат императорской гвардии были отобраны из 800 000 по всей стране. Не преувеличивая, каждый из этих 8 000 мог сражаться один против десяти. Те же, кто служил непосредственно при императоре, были отобраны из 10 000 — все они были высокими, статными, с красивыми и мужественными лицами. Фан Ляочжи, хотя и был благородным и элегантным, среди этих гвардейцев не выделялся. Теперь вокруг него собралось множество людей, желающих с ним поговорить, и Фан Ляочжи подумал, что если император, видя таких людей каждый день, все еще проявлял к нему интерес, то его чувства к Ци Нину действительно были непревзойденными.

Чжао Жунцзюэ, вернувшись во дворец, все еще был в прекрасном настроении. Поужинав, он сел читать в переднем зале своей спальни, и на его губах все еще играла улыбка. Цзю-эр, служивший рядом, давно ждал этого момента и, подливая чай, тихо сказал:

— Ваше Величество, позвольте мне служить вам.

<http://bllate.org/book/16817/1564711>